

От ненависти До любви

Читайте романы Аллы Полянской в серии

От ненависти До любви

ОДНА МИНУТА И ВСЯ ЖИЗНЬ
СЛИШКОМ ЧУЖАЯ, СЛИШКОМ СВОЯ
ПРОГУЛКИ ПО ЧУЖИМ НОЧАМ
МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕНЩИНА С ГЛАЗАМИ КОШКИ
НАЙТИ СВОЙ ОСТРОВ
ПРАВО БЕЗУМНОЙ НОЧИ
НЕВИДИМЫЕ ТЕНИ
ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ ЛЮБВИ
НЕВОЗМОЖНОСТЬ СТРАСТИ
ВСТРЕЧА ОТ ЛУКАВОГО
ВДВОЕМ ПРОТИВ ЦЕЛОГО МИРА
ТАЙНЫ ВИРТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
ВИРУС ЛЖИ
ЕСЛИ ЖЕЛАНИЯ НЕ СБУДУТСЯ
ФАРФОРОВАЯ ЖИЗНЬ

АЛЛА ПОЛЯНСКАЯ

ФАРФОРОВАЯ
ЖИЗНЬ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии и иллюстрация на переплете
Ф. Барбышева

Полянская, Алла.

П54 Фарфоровая жизнь : [роман] / Алла Полянская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (От ненависти до любви).

ISBN 978-5-699-97294-4

У Тины было все: привлекательный муж-бизнесмен, роскошный дом, достаток и самое главное — возможность путешествовать. Но жизнь казалась ей пустой, и только в поездках она чувствовала себя по-настоящему живой, как будто неведомая сила гнала ее прочь из дома... Стоило Тине однажды вернуться в неурочный час, все рухнуло: она застала мужа с любовницей в супружеской спальне, но что ужаснее всего — оба они были мертвы! Дальше все страшнее и страшнее: выяснилось, что дом больше ей не принадлежит, счета заблокированы, а самой Тине рекомендовано не покидать город, пока ведется следствие. Но на следователя совершено покушение, а тело мужа пропало из морга. Кто-то очень хочет скрыть, кем на самом деле являлся человек, за которым Тина была замужем. И тянется эта тайна в далекое прошлое, в тот день, когда ее жизнь разделилась на «до» и «после»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97294-4

Copyright © PR-Prime Company, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Жизнь — игра, первейшее
правило которой — считать, что
это вовсе не игра, а всерьез.

Алан Уотс

1

Тина любила путешествовать. Ей одинаково нравились и острова с белым песком, просторными бунгало или комфортабельными домиками в стиле туземных хижин, и отели Венеции или Копенгагена. И тюльпаны Голландии она обожала, так же как путешествовать на судне по каналам, останавливаясь только у ресторанчиков. Иногда Тине казалось, что мир вокруг похож на яркую открытку и вокруг царит вечный праздник. Рождество в Амстердаме, Елисейские Поля и толпы счастливых беззаботных людей, узкие улочки старого Стамбула, древние города и храмы Южной Америки. Разве все это не праздник?

Конечно, после стольких лет путешествий Тину сложно было чем-то удивить, и она решила, что просто поедет на недельку в Палермо, потому что весна оказалась затяжной и холодной, а в Палермо она была всего однажды, ей хотелось вернуться туда.

Муж не смог поехать с ней, в последние пару лет он был очень занят. И немудрено — после смерти отца Тины ему одному пришлось заниматься бизнесом.

— Конечно, поезжай, — напутствовал он жену. — Там тепло, а ты никак не вылечишь свой бронхит.

— А как же ты?

— А у меня как раз очень сложные переговоры, малыш. — Семен погладил руку Тины. — Да ты меня зна-

ешь, я вообще не любитель заграничного отдыха. Мне бы на озеро с удочкой...

Они были вместе уже пять лет. Тина не помнила названий всех этих годовщин, но их семья в отмечании бессмысленных дат и не нуждалась. Семен оказался прекрасным мужем — он сразу же как-то сумел войти в ее окружение, поладить с отцом, который подозрительно относился ко всем Тининым ухажерам, предполагая в них охотников за приданым, и саму Тину Семен понимал как никто — не изводил ревностью, не устраивал сцен вокруг ее поездок, не мешал ей вести ту жизнь, к которой Тина привыкла.

Но для нее важнее всего было то, что Семен и отец отлично поладили.

Отец был сложный человек, их с Тиной связывали странные, ни на что не похожие отношения. Она не знала, любил ли ее отец, возможно, он не любил вообще никого. Тем не менее все молодые люди, которые появлялись около дочери, подлежали тщательной проверке — негласной, но ее результаты всегда доводились до ведома Тины. Впрочем, ее это скорее забавляло, чем раздражало — она никогда не придавала значения отношениям, не стремилась к ним и уж точно не собиралась замуж «во цвете лет», как она говорила. Перед ней был огромный мир, где происходили карнавалы, театральные премьеры, показы мод, распродажи и прочие интересные вещи, и требовалось успеть все увидеть, узнать, пощупать. И с домом Тину связывал только отец, а когда отца не стало, то и вовсе ничто уже не связывало, даже Семен.

Тина вообще иногда не понимала, почему вдруг вышла за него замуж, но Семен слишком мало обременял ее, чтобы думать об этом дольше, чем она находилась в их доме, а это обычно было недолго. Она приезжала, подписывала какие-то бумаги и уезжала снова. После

смерти отца ей приходилось постоянно что-то подписывать, и это раздражало.

И теперь она собиралась в Палермо. Потому что зима отчего-то все не хотела уходить — а должна была! Тина уже предвкушала, как она выйдет из самолета, поймает свой багаж и поедет в отель, где для нее уже заказан номер. Потом возьмет напрокат машину и... Тина не знала, что станет делать дальше, но так было даже интереснее.

Чемодан получился небольшой, но увесистый — хорошо, что колесики. Тина не любила путешествовать с большим количеством багажа, только самое необходимое: кое-какую одежду, косметику, белье, ноутбук и фотокамеру. И резную шкатулку с мелочовкой, и небольшого мягкого ягуарчика Боню, и фотоальбом, и пару наволочек. Наволочки — был ее пунктик. Тина ненавидела спать на подушках, затянутых в гостиничные наволочки. Всегда заменяла на свои, а проснувшись, снимала их с подушек и прятала, чтобы прислуга, убирающая номер, не впала в ступор при виде синеньких наволочек в белый горошек. Тина хранила их с детства, с тех времен, когда была мама и все было хорошо. И всегда брала эти наволочки с собой, куда бы ни ехала.

— Что, Тиночка, снова уезжаешь?

Это Елена Игоревна, экономка, домоправительница и дворецкий в одном лице. Тина не любила чужих в доме, Семен тем более, а Елена Игоревна жила в их семье очень давно, с самого детства Тины, и считалась кем-то вроде дальней родственницы.

— Ага. — Тина беззаботно улыбнулась, пакуя в косметичку лак для ногтей. — Надоел холод.

Она закашлялась и швырнула косметичку на кровать. Кашель донимал Тину которую неделю подряд, она никак не могла от него избавиться, но рассчиты-

вала, что теплый воздух и солнце смогут сделать то, что не сделали горы таблеток — вылечить этот мучительный кашель.

— Кашляешь-то нехорошо.

— Зато тренированно. — Тина не любит обсуждать свое здоровье, считая эти разговоры признаком надвигающейся старости. — Ничего, солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья, так что кашель уйдет сам собой.

Как ни уговаривал Семен обратиться к врачу, Тина отмахивалась. Она не любила больницы, не верила докторам и не понимала, зачем нужно обращаться к ним по поводу банального кашля, если есть Интернет, есть аптеки, а таблетки можно купить любые. Правда, на этот раз таблетки не помогли, но Тина очень надеялась на благотворный итальянский климат.

— Поела бы перед дорогой...

— Не хочу. — Тина еще раз перебрала в памяти все предметы, которые собиралась взять с собой, — нет вроде бы ничего не забыла. — Меня потом в самолете будет тошнить.

Мысленно Тина уже была далеко и радовалась предстоящей поездке. Она и так пропустила Рождество, которое пришлось отмечать вместе с Семеном и его партнером. Они все вместе поехали в Альпы, но дело в том, что Тина не любила ни снег, ни лыжи, ни все эти альпийские радости, а уж тем более в компании незнакомцев. И если сам партнер Семена, Михаил Леонтьев, был вполне себе терпимый гражданин, только немного шумный, то его жена Мила оказалась вульгарной, искусственно выращенной блондинкой, при этом капризной, склочной и крикливой. Тине огромных трудов стоило не появляться на людях вместе с этой дружной компанией: она спала дольше них, потом спускалась в ресторан, завтракала в одиночестве и отправлялась в Зёльден — гулять по его улочкам. Главное, чтоб по-

дальше от громко хохочущего Михаила, вечно находящейся на грани истерики Милы и Семена, который зачем-то затеял эту поездку как раз тогда, когда она собиралась отправиться на Кипр. Но Семен сказал, что ему это важно, и Тина уступила. Если важно, то, конечно же, она принесет такую жертву. Но о размере этой жертвы Семен даже не догадывался. И только Михаил, хитро прищурившись, как-то спросил Тину:

— Что, Тина Евгеньевна, не ко двору мы тебе?

Тина вскинула брови, удивившись так, словно заговорил вдруг рояль в углу номера.

— Да ладно, я же не дурак. — Михаил ухмыльнулся, глядя на Тину неожиданно холодными цепкими глазами. — С нами вместе ты не ходишь, только два раза ужинала в компании, и то в номере. На Милку ноль внимания: нет, тут я могу понять, она у меня дама шумная, красочная и на язык несдержанная, и вообще не твоего поля ягода — и это понятно, что ничего общего у вас нет и быть не может, да только чтоб вот так одним движением плеча втоптать ее в грязь — такого я раньше не видел, тут длительная тренировка нужна, не иначе. Этому где-то специально обучают?

— Я в принципе не понимаю, о чем вы мне говорите, Миша. — Тина учтиво улыбнулась. — Семен вам, надеюсь, говорил, что я не любительница активного отдыха. И если это называется втаптыванием в грязь, то у нас с вами разное понимание этой идиомы. По-моему, все идет неплохо, учитывая, что мы видимся впервые в жизни.

— А ведь я работал с твоим отцом с самого начала, и с тобой мы видимся не впервые. И с Семеном я знаком столько, сколько вы с ним женаты. А вот ты снизошла ко мне только сейчас.

— И как это коррелируется с вашими внезапными на меня обидами, я в толк взять не могу.

Больше Михаил никаких разговоров с Тиной не затевал. Неделя длилась долго, но Зёльден оказался очаровательным, и Тина взяла себе на заметку — посетить его еще раз, но уже, конечно, без Семена и его знакомых. Тот неприятный разговор с Михаилом Леонтьевым она выбросила из головы, потому что так и не поняла сути его претензий.

Лак наконец впихнулся в косметичку, и Тина закрыла замочек-«молнию». Она не любила что-то забывать. Заранее составляя в памяти список вещей, которые собирается взять с собой в поездку, Тина всегда четко следовала намеченному плану. Кроме чемодана, у нее с собой был небольшой рюкзак, где она держала вещи, которые помогут ей продержаться в случае утери багажа. И наволочки в горошек тоже ездили в рюкзаке, как и Боня.

Зазвонил телефон, и Тина поморщилась — с Семеном ей говорить не хотелось. Она неважно себя чувствовала. Семен в последние два дня находился в столице, куда уехал по делам, и Тина была этому рада, потому что ночью проклятый кашель не давал ей дышать. Елена Игоревна поила ее каким-то приторным сиропом, он помогал на время, но бывали и плохие часы, когда никакой сироп не спасал. И сейчас, похоже, кашель решил вернуться, очень не вовремя.

— Детка, ты уже собралась?

— Ага. — Тина заставила себя подавить кашель, рвущийся из груди. — Сейчас уже собиралась выходить.

— Я просто хотел еще раз тебя услышать. — Семен вздохнул. — Мне так жаль, что я и на этот раз не могу поехать с тобой.

— Ну, ничего, ты вполне можешь присоединиться ко мне позже.

— При первой же возможности. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. — Тина оглянулась на часы, висящие на стене. — Мне пора, Сема. У тебя все в порядке, ты победил?

— Конечно, я победил. Я всегда побеждаю.

— Хвастун.

Тина хихикнула и отсоединилась. Ею овладело то праздничное возбуждение, когда все словно начинается с чистого листа, и жизнь можно строить как угодно, без оглядки на прошлые обязательства. И хотя никаких особых обязательств у Тины не было, ей иногда казалось, что они есть, — и сразу вспоминалась злополучная неделя на Рождество, а это вспоминать не хотелось. Тем более что у них с Семеном тогда состоялся очень странный разговор. Семен вдруг упрекнул ее в высокомерии, и сказать, что Тина была удивлена, — это ничего не сказать.

— Могла бы подружиться с Милой.

— Зачем?!

Тина была настолько ошарашена этим внезапным наездом, что не нашлась даже, что ответить.

— Леонтьев — мой давний друг и партнер, и он был другом и партнером твоего отца. — Семен сердито нахмурился. — А ты вела себя так, словно вообще не с нами. Словно ты стыдишься нас.

— Погоди. — Тина удивленно вскинула брови. — Ты решил, что я подружусь с этой вульгарной бабой?! Сема, да с чего тебе это в голову взбрело! Ты видел ее? А он — боже мой, крикливый, хохочет, как Санта-Клаус, это его брюхо волосатое... В бассейн прыгнул с разбегу, всех забрызгал, а она визжала и кривлялась... Сема, да с чего ты взял, что я, как ты выразился, «подружусь» с такими людьми?! О господи, ты и правда этого ждал? Сема, я не «вас» стыдилась, а их. То, как они ведут себя, как одеваются... А их манеры! Как он руками схватил куриную ногу и заявил: рыбу, птицу и девицу нужно

брать руками, и лапищей схватил эту ногу несчастную, вгрызся в нее, как людоед... Сема, да с чего ты взял, что я захочу, чтобы меня просто даже видели рядом с такими людьми?

— Михаил мой партнер, и я хотел, чтобы...

— Я понимаю. — Тина кивнула. — Ты хотел, чтобы мы иногда ездили отдыхать семьями, так сказать. Нет, я, правда, понимаю тебя, но именно эти люди... Исключено. Я не хочу больше никого из них видеть, извини. Это твой партнер, твои знакомые, я ничего против них не имею, но меня уволь, пожалуйста. Если есть какие-то другие знакомые, я готова снова попробовать, раз тебе это важно, только именно о Михаиле и его жене больше не заводи разговор, я не понимаю, зачем ты и сейчас его завел.

Потом они с Семеном какое-то время дулись друг на друга, но через два дня Тина уехала нырять с аквалангом, а когда вернулась, ссора была забыта. Хотя осадок остался, и неприязнь к чете Леонтьевых тоже осталась. За пять лет их с Семеном совместной жизни это была едва ли не первая их размолвка. Семен всегда понимал ее стремление жить так, как она считает нужным, и не требовал от жены ничего из того, что она была не готова ему дать. В каком-то смысле он был идеальным мужем, раз уж ей зачем-то полагался муж, и Тина очень ценила эти его качества.

— Я уехала.

Елена Игоревна захлопотала, открывая дверь. Она несла за Тиной рюкзак, ее серое в мелкий черный горошек платье затрепетало на ветру, а Тина выволокла чемодан из дома, загрузила его в машину и взяла из рук экономки свой рюкзак. Сейчас она придет в аэропорт, оставит машину в платном гараже, а сама потащит чемодан ко входу, зарегистрируется у стойки и станет ждать рейс. И когда самолет взлетит и холодная весна

останется позади, она ощутит себя птицей, выпущенной из клетки.

— Все, Елена Игоревна, я вернусь дней через десять.

— С богом, Тиночка. — Экономка вздохнула и быстро перекрестила Тину. — Позвони, как прилетишь.

— Позвоню.

Это был тоже своеобразный ритуал — Елена Игоревна всегда вот так провожала ее и крестила перед дорогой, а Тина изо всех сил сдерживалась, чтобы не поморщиться. Она не понимала этих вещей и не принимала всерьез, ее картина мира исключала сидящего в облаках бога, который присматривает за всеми, казнит, милует и посылает гражданам всякую фигню, чтобы те росли над собой и не расслаблялись. Но Елене Игоревне это было важно, Тина понимала и терпела — никакого вреда от ритуала нет, хочет человек это проделывать — что ж.

Аэропорт небольшой, но вполне современный. Тина зарулила на подземную парковку, где у нее было свое постоянное место, и вытащила багаж. Голова слегка кружилась, накатила какая-то слабость, и Тина понимала, что это не очень хорошо. Но скоро самолет взлетит, и через пару часов она уже будет в Италии, а там солнце и вообще другая жизнь.

— Рюкзак можете оставить. — Девушка на приеме багажа проверила содержимое и кивнула. — Я тоже всегда так делаю, мало ли — потеряется чемодан, как тогда быть? Счастливого пути!

Тина кивнула, думая о том, что у нее, кажется, поднялась температура. Сидя в VIP-зале, она невольно рассматривала людей вокруг. Два солидных мужика и женщина, одетые в безликие, но очень дорогие костюмы, они что-то тихо обсуждали, попивая кофе. По их расслабленным позам было понятно, что все свои дела они завершили более-менее успешно, либо уверены в

успехе. Но — нет, все-таки завершили, потому что говорят не о работе, никаких бумаг и электронных девайсов, работа закончена.

Тина иногда думала о том, чем бы ей хотелось заниматься в жизни, но по итогу приходила к выводу, что ничем она заниматься не хочет, кроме как ездить по миру, наблюдая за жизнью вокруг себя. И мысль о том, что есть люди, которые работают — вот как даже и отец работал, и Семен, и эта работа им важна, они ловят от нее своеобразный кайф, — эта мысль немного пугала ее, потому что ей было не понять даже приблизительно важность и необходимость работы. Иногда разные журналы заказывали ей обзорные статьи, которые она писала обо всем на свете: о галереях, отелях, удивительных музеях, и это нравилось ей. И журналам явно нравилось, потому что ей платили, но это не было работой, это было удовольствием — оставаясь анонимной, делиться с миром тем, что она успела о нем узнать. Но работать так, как работал отец или Семен, — это ужасно.

А вот еще семейство — обеспеченные люди, летят, очевидно, в отпуск. Двое детей-подростков уткнулись в телефоны, а малыш лет пяти дремлет на руках у матери, молодой полноватой женщины. Отец семейства тоже уткнулся в телефон — но он, похоже, продолжает работать, судя по сосредоточенно нахмуренным бровям и напряженному взгляду. Что ж, большая семья — большие расходы.

Еще поодаль расположился молодой, спортивного вида мужчина, коротко стриженный, в неброской на вид куртке и синих джинсах. Он тоже уткнулся в какой-то гаджет и дополнительно отгородился от мира наушниками. Тина мысленно поставила ему высший балл — вот так надо нырять в свое личное пространство, без остатка.

У Тины был навороченный телефон с золотистым яблоком на корпусе, но он лежал где-то глубоко на дне рюкзака, и, скорее всего, там и останется, потому что Тина не понимала, зачем он вообще нужен, такой. Разве что для музыки — в нем помещалось множество разных мелодий, но чтобы слушать музыку, ей гаджеты были ни к чему, потому что музыка звучала в ней всякий раз, когда Тина хотела ее слышать. А для звонков у нее был старенький «Самсунг» на две карточки, он исправно обеспечивал связь с внешним миром, хорошо держал заряд и не ломался, если вдруг падал на пол или в ванную с водой. Или в фонтан.

А всех этих «вконтактов» и прочих «инстаграмов», «твиттеров» и что там еще придумали граждане, чтобы потешить свой нарциссизм, Тина не понимала. Кому какое дело, куда она ездит, что она видела и что обо всем этом думает — лично она, Тина Тобольцева, а не безликий журналист с вымышленным именем? Статьи в журналах — это одно, они никак не соотносятся с ней лично, она даже подписывается псевдонимом, а завести личный блог, чтобы выкладывать туда свою жизнь, — этого Тина в принципе не понимала.

И читать чужие извержения и подробности она не станет, ей нет никакого дела до чужих поездок и впечатлений.

Тина откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Похоже, несмотря на сироп от кашля, болезнь все-таки добралась до нее и температура поползла вверх. Тина ужасно боялась болеть, потому что всякий раз она себя чувствовала просто на грани жизни и смерти. Болезнь всегда налетала внезапно, как грабитель в подворотне. Тина ходила, что-то делала — и тут вдруг ее валили с ног температура, ужасная боль в горле и лихорадка, от которой не было спасения. Тина поняла,